
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-4-101-109
УДК 821.161.1

Дата поступления статьи: 28/IX/2018
Дата принятия статьи: 5/X/2018

Г.Ю. Карпенко

АЛЕКСИТИМИК БАЗАРОВ, ИЛИ «АМБУЛАТОРНАЯ КАРТА» ГЕРОЯ (РОМАН И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ»)

© Карпенко Геннадий Юрьевич – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: karpenko.gennady@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7325-2802>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», рассмотрению образа Евгения Базарова. Несмотря на изученность произведения, некоторые существенные проблемы остались нерешенными. Одна из таких проблем связана с противоречивостью натуры Базарова, с центральным вопросом, как согласуется в герое его титанические возможности к практической деятельности с его эмоциональной скудостью. Задача научной статьи как раз определяется необходимостью обратить внимание не на идеологические характеристики героя, а на его психосоматический тип личности.

В связи с этим выдвигается и цель работы: системно маркировать и описать психоментальные и поведенческие проявления Базарова, выявить многомерную целостность его антропологического типа. Для решения поставленных задач применяются структурно-семиотический, культурно-исторический и сравнительно-исторический методы, используются приемы психиатрического описания. Источниками изучения послужили роман И.С. Тургенева, а также, помимо литературоведческих работ, специальные исследования по психиатрической проблематике.

В статье впервые рассматривается целый комплекс ментальных и психосоматических проявлений Базарова, которые впоследствии психиатры и психоаналитики, наблюдая своих пациентов, определили как признаки алекситимии. Впервые доказывается, что Базаров – алекситимик, для которого характерна эмоционально-лексическая немота, недостаточно развитое воображение, операционное мышление, отсутствие эмпатии, замещение «словесной эмоции» соматическими реакциями, практическая рассудительность и склонность к «бегству» в повторяющиеся действия, всеобъемлющий нигилизм – все то, что и стало антропологической основой его культурно-исторической личности. Результаты статьи отличаются научной новизной, позволяют уточнить не только имеющиеся представления об образе Базарова, но и о творческом гении И.С. Тургенева, сумевшего воплотить в слове такой тип человека, который в психиатрии будет описан только в 1970 годы.

Ключевые слова: писатель-психолог, алекситимия, эмотивно-лексическая скудость, психосоматическая личность.

Цитирование. Карпенко Г.Ю. Алекситимик Базаров, или «Амбулаторная карта» героя (Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети») // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 4. С. 101–109. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-4-101-109>.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-4-101-109
UDC 821.161.1

Submitted: 28/IX/2018
Accepted: 5/X/2018

G.Yu. Karpenko

ALEXITHYMIC BAZAROV, OR «PATIENT RECORD» OF A HERO (I.S. TURGENEV'S NOVEL «FATHERS AND SONS»)

© Karpenko Gennady Yurevitch – Doctor of Philological Sciences, professor, Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: karpenko.gennady@gmail.com. ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7325-2802>

ABSTRACT

The article is devoted to the study of Turgenev's novel «Fathers and Sons», to the consideration of the image of Evgeny Bazarov. Despite the study of the work, some significant problems remained unsolved. One of these problems is connected with the inconsistency of Bazarov's nature, with the central question of how his titanic possibilities for practical activity are consistent with his emotional scarcity. The task of this scientific article is determined by the need to pay attention not to the ideological characteristics of the hero, but to his psychosomatic personality type.

In this regard, the aim of the work is put forward: to systematically mark and describe the psychomental and behavioral manifestations of Bazarov, to reveal the multidimensional integrity of his anthropological type. To solve these problems, structural-semiotic, cultural-historical and comparative-historical methods are used, methods of psychiatric description are used. Sources of study were the novel by I.S. Turgenev, as well as, in addition to literary works, special studies on psychiatric problems.

The article for the first time considers the whole complex of mental and psychosomatic manifestations of Bazarov, which later psychiatrists and psychoanalysts, observing their patients, identified as signs of alexithymia. For the first time it is proved that Bazarov – alexithymic, which is characterized by emotional and lexical silence, underdeveloped imagination, operational thinking, lack of empathy, replacement of «verbal emotion» somatic reactions, practical prudence and a tendency to «escape» in repetitive actions, comprehensive nihilism—all that became the anthropological basis of his cultural and historical personality. The results of the article differ in scientific novelty, allow to clarify not only the existing ideas about the image of Bazarov, but also about the creative genius of I. S. Turgenev, who managed to embody in the word such a type of person, which in psychiatry will be described only in 1970.

Key words: writer-psychologist, alexithymia, emotive-lexical scarcity, psychosomatic personality.

Citation. Karpenko G.Yu. *Aleksitimik Bazarov, ili «Ambulatornaia karta» geroia (Roman I.S. Turgeneva «Ottsy i deti»)* [Alexithymic Bazarov, or «Patient record» of a hero (I.S. Turgenev's novel «Fathers and Sons»)]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istorii, pedagogika, filologiya* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 4, pp. 101–109. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-4-101-109>.

Введение

Казалось бы, роман И.С. Тургенева «Отцы и дети», привлекающий к себе читательское и исследовательское внимание в течение 160 лет, исчерпал и отдал все свои смыслы, а главный герой – Евгений Базаров – о самом себе, о собственной биографии, о своих взглядах на жизнь и об отношении к женщинам знает меньше, чем даже среднестатистический школьник. В сознании современного человека образ Базарова приобрел канонические очертания: он безусловный герой, титаническая личность, несвоевременно появившаяся на исторической сцене и рано с нее сошедшая. Таким он видится в исследованиях, ставших определяющими в формировании представлений о его масштабной фигуре [Роман 1986; Манн 1987, с. 97–132; Маркович 2008, с. 507–540]. Статья М.А. Антоновича «Асмодей нашего времени», появившаяся сразу после выхода в свет романа (1862), до сих пор воспринимается как досадное недоразумение,

как беспочвенное осуждение героя. Современные попытки «реанимировать», «освежить» образ главного героя также связаны с идейно-идеологической атмосферой романа или литературными традициями [Брумфилд 2009, с. 56–70].

Несмотря на фундаментальную научную «проработку» произведения, некоторые существенные проблемы остались до конца не проясненными. Одна из таких проблем обусловлена противоречивостью натуры Базарова и связана с центральным вопросом романа: как согласуются в герое его титанические возможности к практической деятельности с его эмоциональной скудостью?

Постановка проблемы

Главный герой романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» Евгений Базаров – алекситимик, человек особого психосоматического склада, речевой культуры и поведения.

Алекситимия (с древнегреческого: α — «приставка с отрицательным значением», λέξις — «слово», θυμός — «чувство») буквально обозначает «без слов для чувств», или, с антропологической привязкой, алекситимик — это «человек без слов для чувств», у которого нет «нежно окрашенных» слов для выражения эмоциональных, душевных переживаний, нет «аффективного языка». Алекситимия — это специфическое психосоматическое состояние (нарушение эмоционального интеллекта, отклонение в предельных показателях нормы), душевно-интеллектуальное устройство человека, самая яркая опознавательная особенность которого и закреплена в термине.

Впервые алекситимию как характерное проявление внутренней жизни человека проследил и научно описал в конце 1960-х — начале 1970-х годов американский психиатр греческого происхождения Питер Сифнеос. С тех пор данный антропный феномен активно и многомерно изучается [Коростелева 1993; Николаева 1993; Былкина 1995; Гараян, Холмогорова 2003; Ереско 2005; Кристал 2006; Трунов 2010; Брель 2012; Есин 2014; Искусных 2015; Мелков 2017].

Однако задолго до П. Сифнеоса в словесно-образной форме психосоматический тип алекситимика запечатлел И.С. Тургенев: в Базарове срисовались черты, определяющие алекситимика: отсутствие художественного (романтического) взгляда на мир, недостаточно развитое воображение, эмоционально-лексическая немота, операционное мышление, отсутствие эмпатии, замещение «словесной эмоции» соматическими реакциями, практическая рассудительность и склонность к «бегству» в деятельность, всеобъемлющий нигилизм и др.

И.С. Тургенев гениально угадал и чутьем художника «схватил» социокультурный и психоментальный тип, какого еще не было в русской литературе. В статье-объяснении «По поводу “Отцов и детей”» (1869) писатель признается, как его поразила встретившийся, буквально «причудившийся» ему «призрак»: «В основание главной фигуры, Базарова, легла одна поразившая меня личность молодого провинциального врача. (Он умер незадолго до 1860 года.) В этом замечательном человеке воплотилось — на мои глаза — то едва народившееся, еще бродившее начало, которое потом получило название нигилизма. Впечатление, произведенное на меня этой личностью, было очень сильно и в то же время не совсем ясно; я, на первых порах, сам не мог хорошенько отдать себе в нем отчета — и напряженно прислушивался и приглядывался ко всему, что меня окружало, как бы желая поверить правдивость собственных ощущений.

Меня смущал следующий факт: ни в одном произведении нашей литературы я даже намек не встречал на то, что мне чудилось повсюду; поневоле возникало сомнение: уж не за призраком ли я гоняюсь?» (Тургенев, т. 11, с. 86).

Со слов самого И.С. Тургенева, мы знаем, что писатель «не по своей воле» лишил Базарова всего «художественного» (склонности к восприятию прекрасного и возвышенного в искусстве и в жизни):

«Рисуя фигуру Базарова, я исключил из круга его симпатий все художественное не по воле своей: “Эта жизнь *так* складывалась”... и я должен был именно *так* нарисовать его фигуру. Личные мои наклонности тут ничего не значат...” (Тургенев, т. 11, с. 90).

Методология

Итак, наблюдаемый писателем «замечательный человек» представляет собой особое явление. Он есть не только едва народившийся в конце 1850-х годов культурно-исторический тип личности, воплощенный в образе Базарова, но и, как выясняется в свете современных достижений психиатрии, антропологический, психосоматический «устойчиво тиражируемый субъект», каких много: «Нас не так мало, как вы полагаете» (Тургенев, т. 7, с. 52). И.С. Тургенев гениально увидел в «бродившем начале» целостный «совмещенный» культурно-исторический и антропологический феномен: в образе Базарова историческая предрасположенность времени к нигилизму соединилась с антропной психосоматической странностью — с возможностью «соскальзывания» человека в алекситимию: «Странный человек этот лекарь!» (Тургенев, т. 7, с. 84).

Предварительных замечаний достаточно, чтобы алекситимию Базарова рассмотреть со «сдвоенной» филолого-психиатрической точки зрения, тем самым снять с героя раздававшиеся в его адрес обвинения (М.А. Антонович [Антонович 2012]) или, наоборот, восхваления с обязательным замалчиванием «глухоты» и нечуткости героя (таких трактовок большинство) [Роман 1986]. Иначе говоря, необходимо преодолеть избирательный, «механический подход», о господстве которого писал еще Ю.В. Манн: «Словом, при механическом подходе образ Базарова, составляющие его элементы кажутся таинственным кодом, ключ к которому потерян» [Манн 1987, с. 105].

Гипотеза

Базаров — герой (персонаж, образ) двойного кодирования: он есть результат воплощения в нем новых умонастроений России, ее «едва народившегося, еще бродившего начала» (нигилизма) и структурированных психосоматических особенностей, проступающих в личности помимо ее воли как действие сил «равнодушной природы» или таких же «равнодушных» жизненных обстоятельств. Другими словами, Базаров — цельно-целостный *художественный* тип (образ) личности: в нем недостатки являются продолжением его достоинств, этико-эстетическое «плебейство» (алекситимия) героя органично связано с его нигилистическим отношением к жизни, — одно поддержано, дополнено другим. Алекситимичность героя, таким образом, является рамкой его социально-антропной полноты — полноты и целостности, разумеется, в сюжетном воплощении. Если же алекситимию рассматривать как психосоматический феномен, то она обнаруживает себя как раз в вытеснении «психе». Но обо всем — об алекситимии Базарова — по порядку...

Ход и результаты исследования

Если иметь в виду диагностическую матрицу алекситимика, то Базаров вполне своими «показателями» в нее укладывается: по многим психическим, поведенческим, интеллектуальным, эмоциональным характеристикам его можно идентифицировать как алекситимика. О чем идет речь, о каких индивидуальных свойствах Базарова, которые резко отличают его от окружающих и выдают в нем «человека без слов для выражения чувств»? По необходимости приходится говорить о всех его свойствах в перечислительном ключе, но при этом нужно помнить, что каждая «черта» структурирована в целостности особой личности (дезорганизованной и вновь организованной) и существует, функционирует в ней по принципу органической дополнителности.

Как уже отмечалось, психологическим ядром алекситимика является его **неспособность выражать свои чувства «красивыми», «нежными» словами**. Базаров сам признается в собственном «лингвистическом грехе»: «Говорить не умею... изящная сторона жизни мне недоступна...» (Тургенев, т. 7, с. 90), «Удивительное дело, как человек еще верит в слова» (Тургенев, т. 7, с. 179), — и последовательно обнаруживает свою эмотивно-лексическую «немоту», считая ее при этом личностным речевым достоинством. На алекситимичность Базарова обращают внимание и окружающие: Павел Петрович, Николай Петрович, Аркадий, Одинцова. По словам отца Базарова, его сын — «враг всех излишеств»: «Я не смею при нем выказывать свои чувства, потому что он этого не любит. Он враг всех излишеств; многие его даже осуждают за такую твердость его нрава и видят в ней признак гордости или бесчувствия» (Тургенев, т. 7, с. 116).

В выражении своего эмоционального отношения к миру Базаров беспомощен: он не знает языка чувств Пушкина-Лермонтова, — у него наблюдается какой-то патологический разрыв с языком мироощущения: для него окружающая природа, красота женщины не может быть источником «очей очарования»: «Ты проштудируй-ка анатомию глаза: откуда тут взялся, как ты говоришь, загадочному взгляду? Это все романтизм, чепуха, гниль, художество» (Тургенев, т. 7, с. 34).

Свою алекситимичность Базаров вполне обнаруживает, когда Одинцова заговорила с ним о счастье: «Скажите, отчего, даже когда мы наслаждаемся, например, музыкой, хорошим вечером, разговором с симпатическими людьми, отчего все это кажется скорее намеком на какое-то безмерное, где-то существующее счастье, чем действительным счастьем, то есть таким, которым мы сами обладаем? Отчего это? Или вы, может быть, ничего подобного не ощущаете?» (Тургенев, т. 7, с. 96).

Одинцова интимно-доверительно делится с Базаровым своими сокровенными переживаниями земного счастья (наслаждения музыкой, вечером, разговором с симпатическими людьми), в котором

есть намеки на где-то существующее счастье безмерное, и надеется на отклик взволнованной души. Ответ Базарова поражает своей искренней глухотой и неотзывчивостью: «Вы знаете поговорку: “Там хорошо, где нас нет”... А мне в голову, точно, такие мысли не приходят... они мне не приходят в голову» (Тургенев, т. 7, с. 96). Одинцова спрашивает его о чувствах, о переживаниях безмерного счастья, а Базаров говорит ей о мыслях, словно не слышит собеседницу. Эмоциональная глухота, неадекватность ответа, переключение его с одного (эмоционального) уровня на другой — отличительная черта алекситимика.

И как следствие «эмоционального бессловесия» у алекситимика срабатывает механизм восполнения: наблюдается **трансформация-перекодировка эмоционального в соматическое, компенсаторное выражение «спрятанных» эмоций на телесном уровне**: «Все отношения и взаимодействия с другими таким образом склоняются к прагматизму, то есть становятся операционными» (Макдугалл 2002, с. 164).

Такое соматическое замещение эмоций происходит во влюбляющемся Базарове: «Базаров сам почувствовал, что сконфузился, и ему стало досадно. “Вот тебе раз! бабы испугался!” — подумал он и, развалившись в кресле не хуже Ситникова, заговорил преувеличенно развязно» (Тургенев, т. 7, с. 72).

Алекситимик не может и не умеет открыто проявить свои чувства, таит их в себе. Не способный выразить переживания словами, он «выходит из себя», «не находит себе места» — мимически, соматически и поведенчески кодирует свои скрытые чувства: «В Базарове... стала проявляться небывалая прежде тревога: он легко раздражался, говорил нехотя, глядел сердито и не мог усидеть на месте, словно что его подмывало» (Тургенев, т. 7, с. 86); «Настоящею причиной всей этой «новизны» было чувство, внушенное Базарову Одинцовой, — чувство, которое его мучило и бесило и от которого он тотчас отказался бы с презрительным хохотом и цинической бранью, если бы кто-нибудь хотя отдаленно намекнул ему на возможность того, что в нем происходило» (Тургенев, т. 7, с. 87); «Но тут он обыкновенно топал ногою или скрежетал зубами и грозил себе кулаком» (Тургенев, т. 7, с. 88). По всем диагностическим показателям (топать ногою, скрежетать зубами, грозить себе кулаком) Базаров — типичный алекситимик, переводящий «позитивное» в соматическое.

Изучая поведение людей с «блокированными аффектами», Д. Макдугалл пишет: «Определенные люди способны отречься от своего аффективно-переживания... таким образом, что оно радикально аннулируется сознанием или же исключается из него» (Макдугалл, с. 157).

Сопутствующим признаком алекситимика (конечно, и не только его) является **желание «взбодрить себя»**. В усадьбе Одинцовой перед встречей с ней «для храбрости» и чтобы «развязать язык» Базаров просит у «недоумевающего» дворецкого «рюмку водочки» (Тургенев, т. 7, с. 76). Герою как алекси-

тимику, испытывающему «трудности идентификации и выражения чувств», необходима «рюмка водочки»: алекситимики, страдающие «нехваткой ресурсов», используют «алкоголь как копинг-механизм для эмоциональной саморегуляции» [Копытов].

На пристрастие Базарова к спиртному как на его характерную привычку со злорадным удовольствием обратил внимание М.А. Антонович в своей известной статье «Асмодей нашего времени» [Антонович 2002, с. 15–68].

В ситуациях «близкой встречи» «человек без слов для выражения чувств» замещает отсутствие «красивых» слов неадекватными и даже агрессивными действиями — приступает сразу «к делу». Прощаясь, алекситимик Базаров «стиснул ей (Одинцовой. — Г.К.) руку так, что она чуть не вскрикнула, и вышел вон. Она поднесла свои склеившиеся пальцы к губам, подула на них» (Тургенев, т. 7, с. 94). Здесь все характерно: и как Базаров пожал руку (пожатием «склеил пальцы»), и как вышел («вышел вон»).

Самое яркое эмоционально взволнованное высказывание-признание Базарова, каким оно безусловно является для него, не оформлено И.С. Тургеневым даже восклицательной интонацией: «Так знаете же, что я люблю вас, глупо, безумно... Вот чего вы добились» (Тургенев, т. 7, с. 98). Этими тринадцатью словами Базаров исчерпал свою «лексическую нежность» (если, конечно, она там присутствовала): дело в том, что «глупо», «безумно» — это характеристика «ума любви», а не чувства любви героя. Для алекситимика период словесного ухаживания закончился, и, согласно диагностической логике, он должен действовать, и Базаров приступает «к делу»: «Он быстро обернулся, бросил на нее пожирающий взор — и, схватив ее обе руки, внезапно привлек ее к себе на грудь. Она не тотчас освободилась из его объятий; но мгновенно спустя она уже стояла далеко в углу и глядела оттуда на Базарова. Он рванулся к ней...» (Тургенев, т. 7, с. 98).

Даже когда Базаров признается Одинцовой в «глупой, безумной» любви, мы видим в нем не взлет (не столько взлет) трепетного чувства и неизбыточной нежности, а то, что психоаналитики называют эффектом «проглоченной» (или «душащей») любви (Макдугалл, с. 89): она находит выражение в «сдвинутом чувстве» — «в страсти, похожей на злобу» («это страсть в нем билась, сильная и тяжелая — страсть, похожая на злобу и, быть может, сродни ей...» (Тургенев, т. 7, с. 98)).

«Сдвинутое чувство» обозначает торжество в человеке «соматически темного»: «архаической сексуальности», «функциональной звериности», — всего того, что в традиционной культуре называется развратом.

Полнота личности проявляется в вербальном выражении эмоциональных переживаний. Отсутствие вербализации эмоций и выражение их соматическим способом — это актуализация, обнаруже-

ние в себе архаических, древних, примитивных (скрытых) структур поведения, возвращение к себе дословесному, темному, смутному (Макдугалл 2002, с. 154).

Как пишет С.В. Мелков, архаичность сексуального инстинкта в том, что он «совершенно безличен, слеп... этот инстинкт требует культурного опосредования в высоких человеческих чувствах, предполагающих ценностное отношение к другому и самому себе» [Мелков, с. 154].

«Физиологизация» чувства любви, сведение интимно-личностных переживаний к «звериному» — к «этому» и только к «этому» в отношениях с Базаровым — испугали Одинцову: «Она... краснела, вспоминая почти зверское лицо Базарова, когда он бросился к ней...» (Тургенев, т. 7, с. 98). Базаров как алекситимик и, следовательно, самец и только самец в интимной сфере подвел Одинцову к черте, переступание которой открывает дорогу к «бесчувствию звериного», ведет и сводит человека к архаическому опыту сексуального: «Она заставила себя дойти до известной черты, заставила себя заглянуть за нее — и увидела за ней даже не бездну, а пустоту... или безобразие» (Тургенев, т. 7, с. 99).

И.С. Тургенев — тонкий художник-психолог: он показывает в Одинцовой (как во всяком человеке) такую возможность соскальзывания в «архаическое». Анна Сергеевна видит пробуждение в себе «сексуального хаоса древнего» как отражение в зеркале: «Она увидела себя в зеркале; ее назад закинута голова с таинственно улыбкой на полускрытых, полураскрытых глазах и губах, казалось, говорила ей в этот миг что-то такое, от чего она сама смутилась... “Нет, — решила она наконец, — бог знает, куда бы это повело...”» (Тургенев, т. 7, с. 98).

Примечателен и интересен психоаналитический аспект заглядывания Одинцовой «за черту»: для нее сведение сексуального только к «архаически темному» — это, говоря словами Д. Макдугалл, «скоропостижная психосоматическая смерть» (Макдугалл 2002, с. 53). То, от чего отступила Одинцова, не отпускает Базарова: он «узник» «архаически темного», он, по собственному самоопределению, «самец» (Тургенев, т. 7, с. 34), или «хищный» (Тургенев, т. 7, с. 156), как в страхе определила его Катя, сестра Одинцовой, уловив это темное начало в его «быстром и небрежном взгляде», от которого она «вспыхнула вся до ушей» (Тургенев, т. 7, с. 79).

У алекситимика Базарова в когнитивной сфере заметно преобладание операционного («наглядного») мышления над абстрактно-логическим. Д. Макдугалл пишет: «Эта личностная организация отмечена операционным мышлением и прагматическим отношением к событиям в жизни и к другим людям» (Макдугалл 2002, с. 163). Оно у него «конкретное», «механистическое», «физиологическое», или, как иронично заметил Павел Петрович, «В принципы не верит, а в лягушек верит» (Тургенев, т. 7, с. 26). Естественным продолжением такого мышления является уход, «бегство» алекситимика в предметную деятельность, в практические дела.

Там — уже в предметно-практической области — осуществляется специфическая **проективная идентификация** героя с объектом эксперимента, приводящая к двум принципиальным результатам. С одной стороны, алекситимик свойства и закономерности процессов в наблюдаемых-вскрываемых объектах переносит в сферу своего сознания и «оттуда» — на себя и других людей. Высказывания Базарова о том, что «мы с тобой те же лягушки»: «...барин говорит, что мы с тобой те же лягушки. Чудно!» (Тургенев, т. 7, с. 21–22), «Достаточно одного человеческого экземпляра, чтобы судить обо всех других. Люди, что деревья в лесу» (Тургенев, т. 7, с. 78), — эти высказывания (и подобные) показывают, как герой унифицирует, упрощает и упорядочивает «картину мира» на основе универсальной функциональности и общей физиологичности: «Изучать отдельные личности не стоит труда. Все люди друг на друга похожи как телом, так и душой; у каждого из нас мозг, селезенка, сердце, легкие одинаково устроены; и так называемые нравственные качества одни и те же у всех: небольшие видоизменения ничего не значат» (Тургенев, т. 7, с. 26).

С другой стороны, **операционный способ мышления и психосоматическая разрядка в проективной идентификации открывают путь алекситимику к доминированию, к «зависанию» над объектом.** У Базарова есть необходимые «инструменты» («приборы»), которые помогают ему подчинять себе окружающий мир, «зависать над...»: природой, людьми, женщиной. Одним из таких символически — маскулинно — значимых «инструментов» является микроскоп, открывающий Базарову картину мира «в разрезе»: вскрытую распластанную лягушку, которую он по меньшей мере анатомически и физиологически уподобляет человеку, «прозрачную инфузорию» — она «глотала зеленую пылинку и хлопотливо пережевывала ее какими-то очень проворными кулачками, находившимися у ней в горле» (Тургенев, т. 7, с. 134). Базаров сводит мир к укрупненному физиологическому масштабу, радуется муравью, который «тащит полумертвую муху»: «Тащи ее, брат, тащи! Не смотри на то, что она упирается, пользуйся тем, что ты, в качестве животного, имеешь право не признавать чувства сострадания» (Тургенев, т. 7, с. 119). Алекситимичная усеченность зрения (смотрение без чувств, «анатомическое» разглядывание) позволяет Базарову воспринимать мир только в «полумертвом» свете. В этой связи можно даже говорить о своеобразном «некрофильстве» героя, которое обнаруживает себя не только в роде деятельности (по «долгу службы», хотя ни долга, ни службы у него пока еще нет), но и в восприятии. Данная особенность базаровского миропричисления заметна в сравнении, в соотношении мотивов «живого» и «мертвого» в их персонализированном выражении.

Два друга (Аркадий и Базаров), учившиеся вместе в одном университете, получившие одинаковые (говоря сегодняшним языком) компетенции, по-разному видят мир и относятся к нему. Аркадий ожив-

ляет «мертвое», а Базаров «умерщвляет» и буквально умерщвляет «живое» (когда режет лягушек и случайно маленькую часть самого себя). Важно актуализировать «разность» между Аркадием и Базаровым в способе их мышления, в отношении к жизни. «Посмотри, — сказал вдруг Аркадий, — сухой кленовый лист оторвался и падает на землю; его движения совершенно сходны с полетом бабочки. Не странно ли? Самое печальное и мертвое — сходно с самым веселым и живым» (Тургенев, т. 7, с. 121–122). Базаров же «живое» видит в свете «мертвого»: «Этакое богатое тело!.. хоть сейчас в анатомический театр» (Тургенев, т. 7, с. 75). Пусть его циничная шутка, сказанная «среди своих», выдает желание «плебея» с первого взгляда «раздеть» Одинцову, но по прямому назначению анатомический театр — это место, где режут «мертвое».

Мировоззрение Базарова — тотальное отрицание — пропитано «некрофильством» [Фромм 2004], которое нельзя объяснить только полученным образованием: «В теперешнее время полезнее всего отрицание — мы отрицаем» (Тургенев, т. 7, с. 49), «Я придерживаюсь отрицательного направления — в силу ощущения. Мне приятно отрицать, мой мозг так устроен — и basta!» (Тургенев, т. 7, с. 121). Герой, указывая на источники своего мировоззренческого нигилизма, ссылается на «теперешнее время» и на устройство собственного мозга. Таким образом Базаров (в самом себе) оказывается «в центре» исторически и антропологически эпохального события — появления алекситимика-нигилиста: в нем вырывающаяся наружу разрушительная «онаученная» энергия времени соединилась с его алекситимичной деятельной активностью. Осознание-переживание такого в себе соединения (способностей мозга направлять деятельность на отрицание-разрушение и потребностей отрицательного направления времени все разрушать) позволяет Базарову рассматривать себя как «гиганта»: «Задача есть, ведь я гигант!» (Тургенев, т. 7, с. 183).

Базаров (как гигант) в межличностной сфере постоянно демонстрирует готовность кому угодно «шею свернуть», невзирая на правила приличия, гостеприимства и дружеские отношения: «Тогда пришлось бы задушить его (Павла Петровича. — Г.К.), как котенка» (Тургенев, т. 7, с. 142), «Я тебя сейчас схвачу за горло... Базаров растопырил свои длинные и жесткие пальцы... Аркадий повернулся и приготовился, как бы шутя, сопротивляться... Но лицо его друга показалось ему таким зловещим, такая нешуточная угроза почудилась ему в кривой усмешке его губ, в загоревшихся глазах...» (Тургенев, т. 7, с. 121–122).

Антропологическая философия Базарова — философия подчинения, подавления ближнего, философия «глотающей инфузории» и «муравья», который «в качестве животного имеет право не признавать чувства сострадания»: «Настоящий человек тот... которого надобно слушаться или ненавидеть... Когда я встречу человека, который не спасовал бы передо мною, тогда я изменю свое мнение о самом себе» (Тургенев, т. 7, с. 120).

В свете «некрофильской гигантомании» [Фромм 2004] Базарову даже жизнь своих родителей представляется ничтожной: «Мои родители... не беспокоятся о собственном ничтожестве, оно им не смердит» (Тургенев, т. 7, с. 119). Но если он всем (миру) может «шею свернуть», то родителям, разумеется, нет (И.С. Тургенев в отличие от Ф.М. Достоевского не «ставит» в своем творчестве подобного «эксперимента»): поэтому родителей он сторонится, бежит от них.

У алекситимика занижена оценка другого человека, не развита или притуплена способность проявлять к нему симпатию. Алекситимик не комплиментарен, склонен давать резкие оценки окружающим, быть в своих суждениях категоричным и безапелляционным. Базаров именно такой тип. Он не жалуется и не жалеет людей: «О людях вообще жалеть не стоит, а обо мне подавно» (Тургенев, т. 7, с. 90). Не сдерживаясь, герой нарушает правила приличия (или «гостевого этикета») и бестактно выносит свои приговоры: «Архаическое явление!» (Тургенев, т. 7, с. 20), «Он человек отставной, его песенка спета» (Тургенев, т. 7, с. 45), «Дрянь, аристократишко» (Тургенев, т. 7, с. 47), «Княжеское отродье» (Тургенев, т. 7, с. 80), «Этот идиот» (Тургенев, т. 7, с. 122). Даже о своем дедушке, о котором почти ничего его память не сохранила, Базаров говорит непочтительно небрежно и на вопрос Аркадия, кем был его дед, отвечает: «Черт его знает. Секунд-майор какой-то. При Суворове служил и все рассказывал о переходе через Альпы. Врал, должно быть» (Тургенев, т. 7, с. 118). Характерный пример эмоциональной сухости и недопустимой резкости немотивированных оценок Базарова – его грубое вмешательство в разговор Василия Ивановича с Аркадием о дедушке последнего, которого он называет «дубиной порядочной» (Тургенев, т. 7, с. 110).

Отец диагностически точно угадал то, чего не хватает его сыну, поэтому просит его: «Помило-сердуй» (будь сердцем добрым, помилуй сердцем) (Тургенев, т. 7, с. 110).

Но у Базарова как у алекситимика нарушен эмоционально взаимный контакт с собеседниками, он «выпадает» из диалога. Как известно, диалог требует соблюдения приличий. Но этого правила Базаров не придерживается, постоянно обнаруживая в диалоге свою неучтивость и бестактность: «равнодушно проговорил», «небрежно отвечал», «лениво промолвил», «перебил», «равнодушно заметил», «ответил с коротким зевком», «воскликнул с презрительною усмешкой», «опять перебил», «промолвил угрюмым голосом», «глухо промолвил», «сердито отвечал», «проговорил как бы с досадой», «произнес сквозь зубы», «сурово проговорил», «промолвил преувеличенно резко», «перебил опять», а также «Он даже отвечал отрывисто и неохотно, и в звуке его голоса было что-то грубое, почти дерзкое» (Тургенев, т. 7, с. 27) или «Базаров отвечал ему (отцу. – Г.К.) нехотя и небрежно» (Тургенев, т. 7, с. 172).

Окружающим к манере общения алекситимика необходимо привыкнуть, то есть вступающим с ним в диалог и во взаимодействие нужно знать о его вербально поведенческой особенности, находиться как бы в коммуникативной ситуации «разговора с пациентом»: «Все в доме привыкли к нему, к его небрежным манерам, к его немногосложным и отрывочным речам» (Тургенев, т. 7, с. 43).

Выводы

Таким образом, можно прийти к однозначному заключению: Евгений Васильевич Базаров по своему психоментальному складу – алекситимик, «человек без слов для выражения чувств», особый антропологический тип, подмеченный И.С. Тургеневым в недрах провинциальной жизни и представленный им как герой, претендующий (сюжетно претендовавший) на значительную социально-историческую роль в изменении устоев России. Писатель-психолог задолго до научных определений человека с такими психосоматическими проявлениями вывел героя, который обладает всеми признаками алекситимика: эмоционально-лексической неспособностью в выражении своих сокровенных чувств, отсутствием эмпатии, неумением увидеть и передать красоту мира, прагматическим мышлением и отношением к жизни, замещением «словесной эмоции» соматическими реакциями, склонностью к «бегству» в однообразную деятельность. Все эти качества личности оказались востребованы эпохой, на исторической сцене которой стал заявлять о своих правах на переустройство жизни нигилист. «Слово “нигилист”, – пишет И.С. Тургенев, – уже было подхвачено тысячами голосов, и первое восклицание, вырвавшееся из уст первого знакомого, встреченного мною на Невском, было: «Посмотрите, что *ваши* нигилисты делают! жгут Петербург!» (Тургенев, т. 11, с. 87).

Источники фактического материала

Макдугалл 2002 – Макдугалл Дж. Театр души. Иллюзия и правда на психоаналитической сцене. СПб.: Издательство ВЕИП, 2002. 312 с.

Тургенев – Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. М.: Наука, 1978–2014. Т. 7. 562 с.; Т. 11. 528 с.

Библиографический список

Антонович 2012 – Антонович М.А. Публицистика М.: Директ-Медиа, 2012. 260 с.

Брель 2012 – Брель Е.Ю. Проблема изучения алекситимии в психологических исследованиях // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 3 (51). С. 173–176. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/problema-izucheniya-aleksitimii-v-psihologicheskikh-issledovaniyah>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=18042614>.

Брумфилд 2009 – Брумфилд У.К. Базаров и Рязанов: романтический архетип в русской литературе // Брумфилд У.К. Социальный проект в русской литературе XIX века. М.: Три квадрата, 2009. С. 56–70.

Былкина 1995 – Былкина Н.Д. Алекситимия (аналитический обзор зарубежных исследований) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 1995. № 1. С. 43–53.

Гаранян, Холмогорова 2003 – Гаранян Н.Г., Холмогорова А.Б. Концепция алекситимии // Социально-психиатрический журнал. 2003. Т. 13, № 1. С. 128–145.

Алекситимия... 2005 – Алекситимия и методы ее определения при пограничных психосоматических расстройствах / Д.Б. Ересько, Г.Л. Исурина, Е.В. Кайдановская [и др.]. СПб.: НИПНИ им. Бехтерева, 2005. 156 с.

Алекситимия... 2014 – Алекситимия – основные направления изучения / Р.Г. Есин, Е.А. Горобец, К.Р. Галиуллин, О.Р. Есин // Журнал неврологии и психиатрии. 2014. № 12. С. 148–151.

Искусных 2015 – Искусных А.Ю. Алекситимия: причины и риски возникновения расстройства // Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии: сборник статей по материалам LIII международной научно-практической конференции. Новосибирск: СибАК, 2015. С. 59–68.

Кристал 2006 – Кристал Г. Интеграция и самоисцеление. Аффект, травма и алекситимия. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2006. 244 с.

Копытов, Ситько, Максимчук – Копытов А.В., Ситько Л.З., Максимчук В.П. Алекситимия и алкоголь // URL: <http://www.plaintest.com/psychiatry/aleksitimiya-alcohol> (дата обращения: 11.11.2018).

Коростелева, Ротенберг 1993 – Коростелева И.С., Ротенберг В.С. Проблема алекситимии в контексте поведенческих концепций психосоматических расстройств // Телесность человека: междисциплинарные исследования: сборник статей. М., 1993. С. 136–143.

Куттер 1998 – Куттер П. Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей. СПб.: Б.С.К., 1998. 120 с.

Манн 1987 – Манн Ю.В. Базаров и другие // Манн Ю.В. Диалектика художественного образа. М.: Советский писатель, 1987. С. 97–132.

Маркович 2008 – Маркович В.М. Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» в отечественном литературоведении 1952–2006 годов // Тургенев И.С. Отцы и дети / Серия «Литературные памятники». СПб.: Наука, 2008. 640 с.

Мелков 2017 – Мелков С.В. Особенности самосознания мужчин со стигматизированной сексуальной идентичностью. М.: МПГУ, 2017. 184 с.

Николаева 1993 – Николаева В.В. О психологической природе алекситимии // Телесность человека: междисциплинарные исследования: сборник статей. М., 1993. С. 84–93.

Роман... 1986 – Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» в русской критике. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. 383 с.

Трунов 2010 – Трунов Д.Г. Виды и механизмы функциональной алекситимии // Вестник Пермского университета. Серия «Философия, психология, социология». 2010. Вып. 2 (2). С. 93–99.

Фромм 2004 – Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: АСТ, 2004. 635 с.

References

Antonovich 2012 – Antonovich M. A. *Publitsistika* [Journalism]. M.: Direkt-Media, 2012, 260 p. [in Russian].

Brel 2012 – Brel E. Yu. *Problema izucheniia aleksitimii v psikhologicheskikh issledovaniakh* [The problem of studying alexithymia in psychological research]. *Vestnik kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2012, no. 3(51), pp. 173–176. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/problema-izucheniya-aleksitimii-v-psihologicheskikh-issledovaniyah>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=18042614> [in Russian].

Brumfild 2009 – Brumfild U.K. *Bazarov i Ryazanov: romanticheskii arkhetyip v russkoi literature* [Bazarov and Ryazanov: romantic archetype in the Russian literature]. In: Brumfild U.K. *Sotsial'nyi proekt v russkoi literature XIX veka* [Social project in Russian literature of the XIX century]. M.: Tri kvadrata, 2009, pp. 56–70 [in Russian].

Bylkina 1995 – Bylkina N. D. *Aleksitimiya (analiticheskii obzor zarubezhnykh issledovaniy)* [Alexithymia (analytical review of foreign studies)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 1995, no. 1, pp. 43–53 [in Russian].

Garanyan, Kholmogorova 2003 – Garanyan N.G., Kholmogorova A.B. *Kontseptsiya aleksitimii* [Concept of alexithymia]. *Sotsial'no-psikhiatricheskii zhurnal* [Social-psychiatric journal], 2003, Vol. 13, no. 1, pp. 128–145 [in Russian].

Yeresko 2005 – Yeresko D.B., Isurina G.L., Kaydanovskaya E.V. etc. *Aleksitimiya i metody ee opredeleniya pri pogranichnykh psikhosomaticeskikh rasstroistvakh* [Alexithymia and methods of its determination in border-line psychosomatic disorders]. SPb.: NIPNI im. Bekhtereva, 2005, 156 p. [in Russian].

Esin 2014 – Esin R.G., Gorobets E.A., Galiullin K.R., Esin O.R. *Aleksitimiya – osnovnye napravleniya izucheniya* [Alexithymia - the main directions of study]. *Zhurnal neurologii i psikhiiatrii* [S.S. Korsakov Journal of Neurology and Psychiatry], 2014, no 12, pp. 148–151 [in Russian].

Iskusnih 2015 – Iskusnih A. Yu. *Aleksitimiya: prichiny i riski vozniknoveniya rasstroistva* [Alexithymia: causes and risk of disorders]. In: *Lichnost', sem'ya i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii: sbornik statei po materialom LIII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Personality, family and society: issues of pedagogics and psychology: collection of articles from materials of the LIII international research and practice conference]. Novosibirsk: SibAK, 2015, pp. 59–68 [in Russian].

Crystal 2006 – Crystal G. *Integratsiya i samoistselenie. Affect, travma i aleksitimiya* [Integration and self-healing. Affect, trauma and alexithymia]. M.: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniy, 2006, 244 p. [in Russian].

Kopytov, Sit'ko, Maksimchuk – Kopytov A.V., Sit'ko L.Z., Maksimchuk V.P. *Aleksitimiya i alkogol'* [Alexithymia and alcohol]. Available at: <http://www.plaintest.com/psychiatry/aleksitimiya-alcohol> (accessed 11.11.2018) [in Russian].

Korosteleva, Rotenberg 1993 – Korosteleva I.S., Rotenberg V.S. *Problema aleksitimii v kontekste povedencheskikh kontseptsii psikhosomaticeskikh*

- rasstroistv* [Problem of alexithymia in the context of behavioral concepts of psychosomatic disorders]. In: *Telesnost' cheloveka: mezhdistsiplinarnye issledovaniya. Sbornik statei* [Human physicality: interdisciplinary studies. Collected papers]. M., 1993, pp. 136–143 [in Russian].
- Kutter 1998 – Kutter P. *Lyubov', nenavist', zavist', revnost'. Psichoanaliz strastei* [Love, hatred, envy, jealousy. Psychoanalysis of passions]. SPb.: B.S.K., 1998, 120 p. [in Russian].
- Mann 1987 – Mann Y.V. *Bazarov i drugie* [Bazarov and others]. In: Mann Yu.V. *Dialektika khudozhestvennogo obraza* [Dialectics of the artistic image]. M.: Sovetskii pisatel', 1987, pp. 97–132 [in Russian].
- Markovich 2008 – Markovich V.M. *Roman I.S. Turgeneva «Ottsy i deti» v otechestvennom literaturovedenii 1952–2006 godov* [I.S. Turgenev's novel «Fathers and Sons» in the domestic literary criticism of 1952–2006]. In: *Ottsy i deti. Seriya «literaturnye pamyatniki»* [Fathers and Sons. Series «Literary monuments»]. SPb.: Nauka, 2008, 640 p. [in Russian].
- Melkov 2017 – Melkov S.V. *Osobennosti samosoznaniya muzhchin so stigmatizirovannoi seksual'noi identichnost'yu* [Features of self-consciousness of men with stigmatized sexual identity]. M.: MPGU, 2017, 184 p. [in Russian].
- Nikolaeva 1993 – Nikolaeva V.V. *O psikhologicheskoi prirode aleksitimii* [About the psychological nature of alexithymia]. In: *Telesnost' cheloveka: mezhdistsiplinarnye issledovaniya. Sbornik statei* [Embodiment of man: interdisciplinary studies. Collected papers]. M., 1993, pp. 84–93 [in Russian].
- Roman 1986 – Roman I.S. *Turgeneva «Ottsy i deti» v russkoi kritike* [I.S. Turgenev's novel «Fathers and Sons» in Russian criticism]. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1986, 383 p. [in Russian].
- Trunov 2010 – Trunov D. G. *Vidy i mekhanizmy funktsional'noi aleksitimii* [The types and mechanisms of functional alexitymia]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Filosofiya, psihologiya, sociologiya»* [Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»], 2010, Vol. 2 (2), pp. 93–99. Available at: http://philsoc.psu.ru/files/science/2010_2.pdf [in Russian].
- Fromm 2004 – Fromm E. *Anatomiya chelovecheskoi destruktivnosti* [Anatomy of human destructiveness]. M.: AST, 2004, 635 p. [in Russian].